

Л. Ю. Гусев

Борьба с терроризмом и экстремизмом в центральноазиатских странах – членах ШОС

Леонид Юрьевич Гусев, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Аналитического центра Института международных
исследований МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского 76. E-mail: lgoussev@yandex.ru

***Аннотация.** После обретения независимости республики Центральной Азии столкнулись с вопросом обеспечения региональной безопасности. Основные трудности в этом направлении связаны с влиянием зон политической нестабильности и конфликтов на Кавказе, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, в Афганистане, на Среднем и Ближнем Востоке. Это, в свою очередь, способствует распространению в странах Центральной Азии деятельности различных представительств и фондов исламистской направленности. В этом контексте в статье рассматриваются методы борьбы с террористическими группировками в отдельных странах центральноазиатского региона.*

***Ключевые слова:** региональная безопасность, Центральная Азия, экстремистские структуры, борьба с террористическими группировками*

После обретения независимости республики Центральной Азии столкнулись с трудностями обеспечения региональной безопасности. На это повлияли события, связанные с гражданской войной в Таджикистане в 1992–1997 гг. и вторжением на территорию Киргизии и Узбекистана в 1999–2000 гг. вооружённых формирований боевиков Исламского движения Узбекистана. Эти события стали пиком проявления угроз терроризма и экстремизма¹.

На распространение угрозы терроризма в Центральной Азии влияют конфликты на Кавказе, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, в Афганистане, на Среднем и Ближнем Востоке [1]. Особенно этому способствует ситуация в Афганистане, где талибы оказывают большую организационную и материальную поддержку ИДУ, радикальной таджикской оппозиции и уйгурским сепаратистам². Результатом такой политики за последние полтора года стало появление ячеек «Исламского государства» (запрещённого в России) [3].

В странах Центральной Азии действуют различные представительства и фонды исламистской направленности. Среди них активную деятельность осуществляют такие организации, как «Мутакалим», «Ихсан-Хария», «Аль Вакъ Аль Ислами», «Всемирная ассамблея исламской молодёжи», «Международный гуманитарный призыв», «Комитет мусульман Азии», «Союз исламского джихада» [5].

В последнее время активность в исламизации общества проявляют прибывшие миссионеры из исламских стран, таких как Саудовская Аравия, Пакистан, Иран и Турция [4]. Пользуясь их поддержкой, свою деятельность здесь осуществляют такие радикальные течения, как «Салафиты», «Акромиды», «Ваххабиты», «Нурджулар».

Ответной реакцией на происходящие события становится активная борьба с этими группировками в отдельных странах Центральной Азии, входящих в ШОС.

Правительство Таджикистана за последние пять лет усилило борьбу с экстремистскими группировками. Так, в конце 2010 – начале 2011 гг. местные «силовики» провели крупную операцию по уничтожению боевиков в Раштской долине. В конце июля 2012 г. в г. Хорог, адми-

¹ URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1296021720>

² Там же.

нистративном центре Горно-Бадахшанской автономной области была проведена спецоперация по обезвреживанию группировки Толиба Айёмбекова, которая причастна к убийству генерала спецслужб, начальника управления Госкомитета нацбезопасности по ГБАО Абдулло Назарова³. В конце ноября 2014 г. в Таджикистане были задержаны 20 террористов, которые готовили диверсионные акты на севере страны. Все преступники были членами группировки «Исламское движение Узбекистана»⁴. При обыске у задержанных обнаружили так называемые «пояса шахидов», взрывчатку, детонаторы и экстремистскую литературу.

Как сообщил глава МВД республики, генерал-лейтенант милиции Рамазан Рахимзода, преступники прошли подготовку в спецлагерях в одном из зарубежных государств и планировали взорвать ряд стратегически важных промышленных объектов в Таджикистане⁵. Чуть ранее, 12 ноября 2014 г. правоохранительные органы республики уже обезвредили группу экстремистов из 12 человек. Все её участники были членами террористической группировки «Джамоати Ансаруллох» и вербовали сограждан для участия в джихаде в Сирии⁶.

В связи с этими событиями в 2014–2015 гг. была проведена ещё более жёсткая кампания по борьбе с «религиозным экстремизмом». В частности, представители правительства присутствовали на проповедях в мечетях и там, где проповеди были сочтены излишне радикальными, мечети закрывались (чаще всего помещения затем передавались различным культурным центрам) [5]. Всего было закрыто порядка 2 000 мечетей. Только в районе Абдурахмани Джоми (Хатлонская область на юге Таджикистана) было закрыто 50 мечетей⁷. Во всех городских центрах жёсткие меры предпринимались по обеспечению антирелигиозного «дресс-кода»: административной кодификации подверглись одежда, например ношение женщинами платков, ношение бород мужчинами и т. п. Осенью 2015 г. даже началась кампания по борьбе с женщинами-проповедницами, так как их деятельность также была сочтена способствующей распространению экстремизма.

В 2015 г. одним из ярких примеров экстремизма было дезертирство и уход в «Исламское государство» в Сирии и Ираке полковника ОМОН Гулмурода Халимова. В своём видеообращении полковник заявил на фоне пальм и бородатых вооружённых людей, что он находится в Сирии, где будет «бороться за права мусульман». Полковник обещал вернуться в Таджикистан, чтобы установить там законы шариата⁸.

Осенью 2015 г. произошёл военный мятеж, который возглавил заместитель министра обороны генерал-майор Абдухалим Назарзода. Во время него в двух террористических атаках в Таджикистане погибли 17 военнослужащих человек. Атаки были проведены в Душанбе и Вахдате, бывшем Орджоникидзебаде — городе в 20 километрах к востоку от таджикской столицы⁹.

Сам генерал-майор Абдухалимом Назарзода был членом Партии исламского возрождения (ПИВТ) и бывшим полевым командиром Объединённой таджикской оппозиции (ОТО). После подписания мирного соглашения в 1997 г. он был введён в ряды вооружённых сил Таджикистана по 30-процентной квоте¹⁰. После мятежа ПИВТ была запрещена. Правда, сами её руководители утверждали, что структуры партии к мятежу причастны не были.

Политика, проводимая властями Узбекистана в борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, традиционно является чрезвычайно жёсткой. Однако узбекские экстремистские структуры (особенно ИДУ) — самые сильные и агрессивные в регионе. Так, по мнению британской газеты Financial Times, террористическая группировка ИДУ доказала, что она представляет долгосрочную угрозу, а в настоящее время взаимодействует с «Аль-Каидой» и пакистанской террористической группой «Лашкар-э-Тайба».

В конце 1990-х гг. группировка ИДУ насчитывала всего несколько сотен узбекских и таджикских боевиков, но теперь группа насчитывает тысячи боевиков из всех центрально-азиатских

³ Памир возвращается к миру, но в Таджикистане опасаются раскола страны. URL: <http://ria.ru/analytics/20120731/713687993.html>

⁴ URL: <http://mir24.tv/news/incident/11608068>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ URL: <http://islamnews.tj/tajikistan/1070-neoficialnye-mecheti-preobrazovali-v-kulturnye-centry.html>

⁸ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2660483>

⁹ Там же.

¹⁰ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2660483>

государств, а также Китая, Турции, Азербайджана и Чечни¹¹. Следует отметить, что глубинные причины роста экстремизма в этой стране кроются, в том числе, в политических, социально-экономических и межэтнических проблемах, особенно характерных в современных условиях для наиболее густонаселённых районов Ферганской долины. Ферганская и Каратегинская долины являются также удобными районами для скрытой деятельности террористических формирований¹².

В Казахстане в связи с рядом событий (взрывы в Актобе и Астане, вооружённые столкновения в г. Жанаозень) также активно обсуждается проблема роста террористической деятельности. В этом государстве, как и в Центральной Азии в целом, главными проводниками идей террора являются исламистские течения и организации. В этой связи для минимизации их воздействия на сознание жителей республики руководство Казахстана предприняло ряд мер по усилению работы, направленной на повышение религиозного образования, а также духовного развития казахстанского общества. Для этого в республике было создано специализированное ведомство — Агентство по делам религий. В этих же целях осуществлён мониторинг более 10 тыс. Интернет-порталов, в результате чего судом г. Астана вынесены решения о признании незаконной и прекращении распространения на территории страны продукции 51 иностранного сайта за пропаганду экстремизма и терроризма. Предпринимаемые Казахстаном меры по борьбе с указанными негативными проявлениями, а также проводимая руководством страны политика толерантного отношения ко всем конфессиям и национальностям, в целом, способствуют сохранению в стране безопасности¹³.

Террористическая активность в Казахстане имеет серьёзное международно-политическое измерение. Ряд экспертов, например, руководитель киргизского аналитического центра Prudent Solutions Э. Усубалиев, указывая на направленность волнений в казахстанском Жанаозене против китайского собственника, отмечает потенциальную возможность объединения казахстанского подполья с уйгурскими сепаратистами. Эксперт также считает, что создание террористических групп и распространение идеологии джихада в нефтеносных районах Каспия и северо-запада Казахстана могут в будущем угрожать интересам КНР в регионе¹⁴.

Развитие джихадистского подполья в Казахстане может потенциально оказать влияние и на казахстанско-российские отношения, особенно учитывая связь террористов из Казахстана и джихадистов на Северном Кавказе (прежде всего в Дагестане) и вероятное использование территории Казахстана для дестабилизации на российском Северном Кавказе. «Если верить информации в прессе об участии казахских боевиков в войнах на Северном Кавказе и в Афганистане, то становится понятной их цель: Северный Кавказ — получение опыта взрывного дела, Афганистан — опыт ведения боевых действий», — отмечает киргизский эксперт Э. Усубалиев¹⁵.

Бывший директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при президенте Казахстана Болат Султанов в ходе форума по вопросам взаимодействия стран Центральной Азии и Афганистана, прошедшего 4 декабря 2012 г. в Астане указал на то, что «Уже сейчас террористические организации в Ферганской долине чувствуют себя довольно вольготно. И даже функционируют базы отдыха, и существуют тайные склады с вооружением»¹⁶. Он отметил, что с этой реальной угрозой тесно переплетается другая опасность, связанная с надвигающейся милитаризацией Центральной Азии вследствие вывода из Афганистана боевого оружия НАТО, военной техники и снаряжения. По его словам, часть перевозимого через страны Центральной Азии вооружения с учётом уровня коррупции в этих странах может быть расхищена и попасть на чёрный рынок¹⁷. Он привел пример, когда американское оружие, захваченное партизанами во Вьетнаме, затем весьма активно было задействовано в Никарагуа и в других странах Латинской Америки¹⁸.

¹¹ В Центральной Азии зреет кризис, а крупные державы интересуют лишь «Большая игра». URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/38077>

¹² URL: <http://www.cisnews.org/expert-opinion/2866-terrorizm-i-religioznyy-ekstremizm-strany-centralnoy-azii-byut-trevogu.html>

¹³ Там же.

¹⁴ URL: <http://polit.uz/archives/7745>

¹⁵ Там же

¹⁶ Террористы в Ферганской долине чувствуют себя вольготно и даже открывают базы отдыха — директор КИСИ. URL: <http://www.kyrtag.kg/?q=ru/news/32659>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Для южной части Киргизии традиционной угрозой является перенос деятельности экстремистских групп из соседнего Таджикистана и Узбекистана. Одной из причин этого является слабость правоохранительных структур этой страны. В основном речь идёт о жизни узбекской диаспоры. Сами киргизы вовлечены в эту деятельность сравнительно слабо, в том числе, из-за низкого уровня исламизации. Так, в октябре 2012 г. в Киргизии был задержан член международной террористической организации «Исламское движение Туркестана», разыскиваемый спецслужбами Узбекистана уроженец Ферганской области Хабибулло Сулейменов¹⁹.

Однако деятельность псевдопросветительских групп, таких как «Хизб-ут-Тахрир» (формально не ставящих задачу вооружённой борьбы, но включенных в списки террористических организаций, одобренных специальными службами ключевых государств мира), постепенно начала охватывать и киргизов.

В последние годы появилась новая тенденция. Джихадистские группы Казахстана, вытесняемые из этой страны, стали оказывать влияние на салафитские джамааты в Киргизии. В частности, появление в Киргизии группы «Джейш уль Махди» в 2009–2010 гг. и обострение ситуации в Казахстане в религиозной сфере примерно в этот же период можно рассматривать как звенья одной цепи²⁰.

Кроме того, тревогу властей Киргизии вызывает быстрая переориентация на новую среду и гибкость в действиях радикальных религиозных групп, к которым плотно примыкает запрещённая в стране решением Верховного суда террористическая организация «Жайшуль махди», основанная на принципах джихада против неверующих. В Киргизии известны случаи, когда заключённые в тюрьму члены этих организаций за короткое время сумели обратить сокамерников в своих ярых сторонников. На этом фоне постоянные перевороты внутри Духовного управления мусульман Киргизии лишь усугубляют проблему²¹.

В феврале 2014 г. президент Киргизии А. Атамбаев, выступая на заседании Совета обороны республики, посвящённом государственной политике в религиозной сфере, отметил, что в настоящее время отдельные представители мусульман путают культуру арабов, народов Бангладеш и Пакистана с исламской религией. Он указал на то, что: «Они игнорируют нашу исконную народную культуру и навязывают людям другую культуру. На наших улицах сейчас много тех, кто отрастил бороды и носит дамба́лы (штаны). Вместо открытых, красочных нарядов навязывают нашим девушкам чёрное, такое у нас обычно носят овдовевшие женщины. Безусловно, мы мусульмане, это религия наших предков, но в то же время мы, прежде всего, киргизы! Не надо это забывать!»²². Он также добавил, что «государство и представители власти имеют полное право вмешиваться в религиозную сферу, в деятельность органов духовенства. Если посмотреть на некоторые мусульманские страны, политики используют религию в своих целях, превратили религию в политическое оружие. На примере Афганистана, Ирака, Египта, Сирии можно увидеть то, что происходит в государстве, когда духовенство вмешивается в политику. В этих странах народ разделён на два лагеря, и идёт гражданская война. И в Киргизии отдельные политики в связке с духовными служащими стремятся смешать религию с политикой. Это очень опасно. Нельзя допускать подобных политических игр»²³.

Одним из последних проявлений терроризма в стране был взрыв у ворот китайского посольства в Бишкеке утром 30 августа 2016 г. Его совершил террорист-смертник, который на машине протаранил ворота дипломатической миссии и взорвался. В результате сам смертник погиб. Все пострадавшие — граждане Киргизии²⁴.

Госкомитет национальной безопасности (ГКНБ) Киргизии через несколько дней заявил, что теракт в посольстве Китая в Киргизии совершил член «Исламского движения восточного Туркестана» по заказу действующих в Сирии уйгурских террористических группировок, связанных с группировкой «Джабхат ан Нусра» (террористическая организация, запрещённая в России).

Однако нужно отметить, что в целом власти Киргизии в последнее время серьёзно усилили

¹⁹ URL: <http://www.24kg.org/investigation/139737-v-kyrgyzstane-zaderzhan-chlen-mezhdunarodnoj.html>

²⁰ URL: <http://polit.uz/archives/7745>

²¹ URL: <http://centrassia.ru/kirgistan/17-kyrgyzstan-poligon-terroristicheskogo-internacionala.html>

²² Президент Киргизии: Под видом исламской религии арабские страны пытаются навязать свою культуру. URL: <http://www.for.kg/news-249554-ru.html>

²³ Там же.

²⁴ URL: <http://www.newsru.com/world/30aug2016/kirg.html>

борьбу с религиозным экстремизмом и влиянием различного рода салафитских течений. Это достаточно позитивная тенденция.

Таким образом, можно констатировать, что угроза со стороны исламистских террористических групп для стран Центральной Азии довольно высока и для противодействия ей необходимо объединить усилия России и её партнёров по ШОС и ОДКБ [6].

В этой связи России (прежде всего, по линии ОДКБ) было бы желательно увеличить затраты на поддержку модернизации вооружённых сил и силовых структур центральноазиатских государств в соответствии с имеющимися возможностями [2].

Также необходимо совершенствование организационной структуры ОДКБ для противодействия террористическим угрозам. В связи с этим необходимо продолжать укреплять сотрудничество между структурами ШОС и ОДКБ, ведущееся уже пять лет.

Что же касается непосредственно ШОС, то было бы целесообразно усилить деятельность Региональной антитеррористической структуры организации, находящейся в Ташкенте, кроме того, рассмотреть создание в рамках ШОС специальных, постоянно действующих объединённых подразделений по борьбе с наркоторговлей и экстремизмом [5]. Формирование единых полицейских сил и их организационных структур могло бы усилить работу в этом направлении.

Для того чтобы ШОС стала одним из центров международных усилий по борьбе с терроризмом и экстремизмом, необходимо развивать координацию деятельности силовых ведомств стран — членов ШОС со структурами ООН и других международных организаций.

The Fight Against Terrorism and Extremism in the Central Asian Countries – Members of the SCO

Leonid Gusev, PhD (History), Senior Research Fellow
Analytical Center of the Institute for International Studies, MGIMO University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: lgoussev@yandex.ru

***Summary.** After obtaining independence the republics of Central Asia faced with difficulties of regional security maintenance. The first threat to regional security comes from political instability in the Caucasus, the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China, Afghanistan, the Middle and Near East. The second dangerous factor is a terrorist activity in the Central Asia accompanied by growth of various offices and funds of Islamist orientation in the Central Asia. With these factors in mind, the author considers possible methods of combating terrorists in different countries of the Central Asia.*

***Keywords:** regional security, Central Asia, the extremist structures, the fight against terrorist groups.*

Литература / References

1. Гусев Л. Ю. Борьба с экстремизмом и терроризмом в странах Центральной Азии // Современные евразийские исследования. — 2016. № 2. — С. 61–74.
2. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам — членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях. — М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017.
3. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы / Аналитические доклады. Институт международных исследований. — М.: МГИМО-Университет, 2016. Вып. 1 (45).
4. Федорченко А. В., Крылов А. В. Научная оценка апофеоза исламистского радикализма // Международная жизнь. — 2016. № 2. — С. 181–187.
5. Казанцев А. А. Центральная Азия: Светская государственность перед вызовом радикального ислама // Валдайская записка. № 2 (42), январь 2016 г. URL: <http://valdaiclub.com/publications/valdai-papers/central-asia-secular-statehood-challenged-by-radical-islam/>
6. Kazantsev A. Russian policy in Central Asia and the Caspian Sea region // Europe-Asia Studies. — 2008. Т. 60. № 6. — P. 1073–1088.